

МОСКОВСКИЙ БОЛЬШЕВИК

Г. МОСКВА.

20 ИЮН 1937

„АБЕСАЛОМ И ЭТЕРИ“

НОВАЯ ПОСТАНОВКА
БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Сцена IV акта оперы композитора З. П. Палиашвили «Абесалом и Этери».
Фото В. ФЕДОСЕЕВА (Фотохроника ТАСС).

★ ★ ★

Два с половиной года назад, в январе 1937 года, проходила в Москве декада грузинского искусства. Тбилисский оперный театр показал тогда в Москве оперу З. Палиашвили «Абесалом и Этери». Грузинский спектакль произвел огромное впечатление. «Абесалом и Этери» сразу полюбилась московской публике, а критика расценила произведение Палиашвили, как одно из выдающихся не только в грузинской, но и в мировой оперной литературе произведений.

Тогда же возникла идея «составить» «Абесалома и Этери» в Москве — иными словами, включить ее в репертуар Большого театра. Сейчас эта идея реализована. Вчера Большой театр показал свою премьеру постановки «Абесалома и Этери».

Много лет назад на сцене бывшего Экспериментального театра (ныне филиала ГАБТ) была сделана попытка поставить армянскую оперу композитора Комптаса — «Алмаст». Попытка эта не увенчалась тогда успехом. И если не считать этой эпизодической неудачи, то можно сказать, что ныне впервые опера, принадлежащая перу композитора братской советской национальной республики, зазвучала на сцене Большого театра СССР. Факт этот сам по себе знаменителен и необычайно отраден. Событие это приобретает тем большее политическое и художественное значение, что самый спектакль сделан Большим театром в целом отлично.

Сюжетом для композитора в «Абесалома и Этери» послужило древнегрузинское сказание «Этерпант». Сюжет во многом напоминает сюжет «Тристана и Изольды»: это повесть о прекрасной, но несчастной любви Абесалома и Этери. Коларный и злой Мурман, приближенный Абесалома, чтобы завладеть Этерей, отравляет ее. Затем он сам берется ее вылечить и уводит ее в свой хрустальный замок. Но Абесалом не может забыть Этери. После длительной разлуки Абесалом и Этери вновь встречаются, но надломленный го-

рем и пережитыми страданиями Абесалом умирает на руках у Этери. Этери не желает жить без своего любимого и закалывается кинжалом, который Абесалом когда-то ей подарил.

Композитор Палиашвили, замечательный знаток грузинского народного искусства, почти не занимая фольклорных песенных материалов, воссоздал в своей опере стиль народной грузинской музыки. Ученик известного русского композитора Танеева, Палиашвили обрел у своего учителя богатейшую технику полифонии (многоголосного письма), инструментальное мастерство и т. д. Эту технику, мастерство русской музыкальной школы, Палиашвили сочетал с грузинским национальным стилем. В результате получилась опера обаятельной талантливости, огромной впечатляющей силой, яркости и красоты.

Опера Палиашвили необычайно мелодична. Песенны в ней и речитативы, и трудно зачастую бывает распознать, где речитатив переходит в арию, где затем она кончается и вновь начинается речитативный скак. Хоры Палиашвили — этически возвышающие, поэмы трагического пафоса — напоминают хоры «Страстей» Баха, ораторий Генделя.

Опера Палиашвили глубоко народна и национальна. Но значение ее выходит далеко за пределы грузинского искусства. Высокая этичность ее содержания, неувядаемая поэзия музыки Палиашвили делают «Абесалома и Этери» поющей и близкой слушателю любой национальности. Советский же слушатель, чрезвычайно восприимчивый и чуткий к художественной красоте, с особой радостью и наслаждением слушает и смотрит спектакль «Абесалом и Этери». Первые репетиции «на публике»

и вчерашняя премьера в Большом театре прошли с огромным успехом.

Для русских оперных актеров работа над «Абесаломом и Этери» представляла огромные трудности. Специфика национальной формы, необычайное своеобразие сюжета, интонационного и ладового строя музыки — овладение всем этим новым и непривычным для актеров Большого театра материалом было для труппы Большого театра задачей сложной и вместе с тем очень увлекательной. Затраченные усилия, однако, полностью оправдали себя. Создан спектакль, которым может по праву гордиться наша столпная оперная сцена.

В этом, прежде всего, заслуга постановщицы Р. Симонова (режиссер—Баллашвили). «Абесалом и Этери» — первый опыт Симонова в оперном театре. Нередко режиссеры драматического театра привлекались к работе в опере. Удача этим режиссерам — почти как правило — сопутствовала однако лишь тогда, когда они оказывались музыкально чуткими, любящими и понимающими музыку художниками. Таким музыкально чутким постановщиком показал себя Симонов. Он с удивительным, проникновенным мастерством и тонкостью сценически раскрыл партитуру Палиашвили. Особенно удалось режиссеру массовые сцены: второй акт — свадьба, третий акт — сцена прощания с Этерей и, наконец, финал. Народ в «Абесалома и Этери» выступает, как в древнегреческой трагедии: он — наблюдатель и комментатор событий. Массовые сцены спектакля производят огромное впечатление. Хор Большого театра и поет чудесно и замечательно играет. Из исполнителей главных ролей отметим в первую голову

Кругликову (Этери), музыкально и сценически прекрасно справившуюся с ролью. Ханаев создает в общем верный и трогательный образ пламенного, нежного и несчастного Абесалома. Досадно лишь, что Ханаев, играющий хорошо, несколько бледнее поет. Из остальных исполнителей отметим Тандаруха (артист Зелезинский), придворного (артист Пасечник). К сожалению, такие эпизодические роли, как Марих (арт. Боровская), мать Абесалома (арт. Шовченко), мачеха Этери (арт. Левина), очень бледны в спектакле.

Палиашвили дает танцы в «Абесалома и Этери» только во втором акте — в сцене свадьбы. Три танца, поставленные в этом акте балетмейстером Джавришвили, превосходно танцуют Семенова, Кузнецов, Васильева и др.

Художник Рындин в своем оформлении оперы пытался раскрыть ее поэтическую тему, используя для этого подлинное первосточинное искусство грузинского народа эпохи Рудзавели, эпохи расцвета древнегрузинской культуры. Оформление Рындина сделано, однако, но совсем ровно. Лучше всего удался художнику второй акт. Совсем невыразительно оформление 2 картин первого акта. По поводу же оформления последней сцены у нас есть один недоуменный вопрос: почему хрустальный дворец, выстроенный Мурманом для Этери, у Рындина выглядит тяжелым и «нехрустальным». Это не пустая приписка. Легкий, светлый, воздушный дворец внес бы очень важную, необходимую контрастную краску в оформление, а это в свою очередь лучше бы оттеняло и раскрывало смысл драмы.

Дирижер Мелеш-Пашаев проводит спектакль с огромным темпераментом и исключительным мастерством.

«Абесалом и Этери» — первый для Большого театра опыт постановки национальной оперы братской советской республики. Опыт вполне удался. За «Абесаломом и Этери» должны последовать ныне другие национальные оперы. Наш Большой театр должен стать подлинной сокровищницей всего лучшего, что создано в мировой оперной классике, всего лучшего, что создается в советском оперном творчестве народов Советского Союза.